

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №12 ГАЗЕТА

Музыка старого дома / Современная проза

95
1927-2022

МИХЕЕВ Владимир Иванович (1921–2003)

Он принадлежит к поколению победителей. Родом из села Каблуково, Тверской области, он увлекательно и откровенно рассказывает о своем деревенском детстве, непростой и трагической истории семьи. Решив стать офицером и поступив в танковое училище, семнадцатилетним мальчишкой он сражается в Финской кампании и отправляется на фронт, когда на страну обрушивается еще большее горе — Великая Отечественная война, которая кровавой чертой разделила людские судьбы на до и после.

Для Михеева война — это боль, смерть. Но это и время героизма, воинской доблести, бескорыстной дружбы боевых товарищей, партизанского братства, беззаветной любви.

Вместе с мемуаристом, автором книги «Тиф», фрагменты из которой представлены в этом номере «Роман-газеты» (полностью опубликована издательством «Художественная литература» в текущем году), читатель переживает ужасы Вяземского котла, фашистский плен и фильтрационные лагеря НКВД, но и восхищается солдатским мужеством и отвагой, проходит путь до Берлина к долгожданной Победе.

Литературный талант автора не оставляет у читателя сомнений в фронтовой и жизненной правде этого откровенного повествования. Уникальность книги в том, что это, пожалуй, одно из последних ярких свидетельств очевидца и участника событий израненной лихолетьем страны. Рукопись Владимира Ивановича была сохранена его сыном, который и подготовил ее к печати. Так еще одна яркая судьба стала достоянием истории и донесла до нас главный завет наших отцов и дедов: в самых тяжелых испытаниях побеждает жизнь!

Памяти поэта и педагога

Владимира Ильича Львова

(1949–2021)

КАБЛУКОВО

Говорят, что я прикован
В среднерусской полосе
К деревеньке Каблуково,
Что купается в овсе.

Говорят, что тут болото.
Говорят: грязь, мол...
Да, болото, но в болоте
Половина русских сёл.

А зато грибов! А ягод!
А кукушки ворожат!
А туманы! Если лягут,
До обеда пролежат!

Над деревней запах мёда
И парного молока!
Вообще, у нас природа —
Не пока, а на века!

Благодать у нас такая...
Ах, какая благодать!
Благодатней в мире края
Нет! (Отсюда не видать!)

Приезжайте в Каблуково
Прямо завтра с утра!
Нет здесь рая никакого,
А работы — нет конца!

2014

* * *

А всё-таки приятно было быть —
Носиться, заголившись,
по просёлкам
Во всю свою мальчишескую прыть
И в голове раскладывать
по полкам,
Что блага нет первой,
чем благо жить,
Что Родина и мама — это свято,
Хорошее повыше положить,
Подальше, чтоб поближе
было взято,
Плохое — ближе, ниже,
под рукой —

Забывать, задеть, рассыпать
по крупице

Нечаянно,
И чтоб запас такой
Склевали нелетающие птицы...
Приятно было даже в сенокос
На лошади сволокивать копушки,
В неделю раз пасти овец и коз
И смело петь с картинками
частьюшки.

Не слышать разговоров:
«Кто поёт?! —
За это поведёрживать бы ноги!..»
Когда морозец землю закуёт,
Приятно зимовать в своей берлоге;
Приклеиться губой к дверной
скобе
(А если по-теперешнему — к ручке)
И брошку к дню рождения тебе
Купить украдкой с батиной

получки...
И не было прекрасней той поры,
Когда, вертаясь к вечеру из школы,
На задницах с Мелюхиной горы
В ольховые врезались частоколы,
И той поры, когда, уже потом,
Влюблялись мы

до самовозгорания,
Когда на склоне скользком
и крутом

Для нас не приготовили заране
Каких-то благ, и вовсе ничего,
Когда и сами были мы с усами,
Когда стремились к жизни кочевой
И бредили крылами, парусами...
Да что теперь об этом говорить,
Когда часы прошли уже две трети?!
И всё-таки приятно было быть
На этом несказанно добром свете!
2008

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены
Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №12 /1905/ Основана в 1927 г.

Музыка у старого дома

Современная проза

Владимир МИХЕЕВ

ВОЙНА И МИР В ЗАПИСКАХ ФРОНТОВИКА

Может быть, я берусь за дело, которое не смогу исполнить? Но я попробую. Мне не дает покоя необычность моей жизни. И не только моей, но и моих родных и близких. Всех нас крепко помяла жизнь и, я думаю, это будет интересно для других людей. Я хочу рассказать моим детям и внукам, как часто приходилось мне метаться между жизнью и смертью, между бытием и небытием и все-таки продолжать жить дальше.

Родился я 13 июня 1021 года в селе Каблуково, Калининского района, Тверской области. Отец в это время работал в деревне Орша, там было что-то вроде Волостного исполнительного комитета (ВИК).

Акушерка Людмила Павловна показала — я родился в «сорочке», которая выглядела в виде прозрачной пленки. Я был красивым ребенком: глаза черные, лицо белое. Отец в день рождения принес с Орши 10 метров ситца на пеленки и железную лопату без ручки и сказал по моему адресу: «Он у меня будет инженер».

На моей памяти село было большое, многолюдное. Трудно сейчас отыскать истоки, кто и когда дал ему такое название. В архиве мне дали справку, из которой я узнал не только дату рождения отца — 20 октября 1897 года, — но и то, что село наше в прошлом веке называлось Клобуково, клобук и каблук — разные понятия. Вот еще загадка.

Каблуково застроено было необычно, и если бы посмотреть на него, например, с вертолета, то мы увидели бы большую букву «К». Основная часть застройки была по прямой и тянулась примерно на полтора километра с запада на восток. Дальше шла прямая дорога на Тверь.

В центре — большая площадь, деловой центр. Здесь не только перекресток дорог, здесь расположены самые важные учреждения — сельсовет, почта, чайная, магазин. Далее: церковь с поповским домом, больница. Рядом с больницей проживал наш

знаменитый фельдшер Свицкий Самуил Малафеевич, которому под силу было лечение любых болезней, какие только возможны у человека. Рядом был дом моего крестного Базанова Ивана Ильича. В поповском доме жил поп с домочадцами, вокруг дома — большой фруктовый сад, главным образом — яблони.

Наше село насчитывало около 300 домов, построено было на равнине среди лесов и кустарников. Самое высокое место занимала красавица церковь с кладбищем. Почти каждая семья имела свою рубленую баню на огороде или на берегу канавы, а вокруг деревни близко стояли рубленые амбары для хранения фуража, чуть дальше, полукружьем, сенные сараи. У нашей семьи их было два.

У большинства семей был свой колодец с высоким журавлем, а самый главный колодец около церкви. Считалось, что там самая вкусная вода, откуда брали воду на чай.

Природа вокруг села была очень красивая. Вблизи села протекала канава — неширокая речка, которая собирала воду расположенных недалеко болот и торфяников и уносила ее в Волгу. Здесь, в омутах, мы, мальчишки, да и взрослые, ловили рыбу нехитрыми снастями — саками, бреднями, мережами, вершами. В небольших омутах достаточно было хорошо взмутить воду, что мы делали, беспощадно топая там ногами, и щурята сами высовывались из воды, чтобы схватить воздуха, и мы их ловили руками.

Большая вода была от нас неблизко: три километра до Орши, четыре до Волги. Два ближних озера мы называли — Большое и Маленькое. Имели названия и близлежащие леса на северной стороне — Еловая Хватаиха, Березовая Хватаиха, Пустоша и т.д. А сколько было везде в лесах грибов, ягод, разной дичи! Какая была рыбалка на реках и озерах! Сколько клюквы на болотах, брусники!

С какой теплотой я вспоминаю сейчас многих жителей нашего села, будто эта была одна большая родня, я не могу вспомнить ни одного случая какой-либо вражды между людьми.

Многие семьи пользовались особым уважением на селе. Это Вершинины, Ступневы, Блиновы, Сусловы, Авдеевы, Михеевы, Бушины, Гуськовы, Касьяновы. И о каждой из этих семей можно написать отдельную интересную историю.

В Каблукове до сих пор стоят и хорошо сохранились наш семейный родительский дом и дом бабушки и дедушки по отцу. Эти дома были построены после пожара 1930 года.

Сведения о предках по линии отца начинаются с моего прадеда Михея Сергеевича. Судя по его имени и по семейным преданиям в наш род подмешана

какая-то доля цыганской крови. Предки по линии отца, как и по линии моей матери, были крестьяне.

В старое время с осени до весны для жителей деревни было очень мало работы, особенно для мужчин, со скотиной управлялись женщины. И часто мужчины зимой уезжали из дома на заработки. Мамин отец, дедушка Константин, бывал извозчиком.

Мой дедушка по отцу, Арсений Михеевич, когда он вырос в своей семье, то поехал на заработки в Петроград. Бабушка моя, Прасковья Ивановна, жила в селе Эммаус, в Каблуково приезжала на дачу. Туда же приезжал из Петрограда Арсений, там они встретились и поженились. Арсений вернулся в Петроград, теперь уже с молодой женой Прасковьей, и там они длительное время счастливо жили. Прасковья приезжала в Каблуково в отпуск, на отдых. Очень богатая, хорошо одетая, с золотыми сережками.

Родители отца вернулись в Каблуково после революции. Я их помню с начала 30-х годов. Бабушка — высокая, белолицая, красивая. Под стать ей и дедушка — черноволосый с проседью, с правильными чертами смуглого лица. Именно в его облике проглядывались те самые цыганские черты, о чем я упоминал выше (я не знаю, откуда я взял эти сведения — мне не удалось получить подтверждения ни у родственников, ни документально, может быть, я не прав).

Дедушка Арсений был очень трудолюбивый. Помимо работы в колхозе и на своем огороде, он держал пчел, за летне-осенний сезон заготавливал грибы, ягоды на зиму. По натуре бабушка была немного жадновата. Я помню лишь один случай, когда они угостили медом нашу семью — дали немного запечатанного меда и крошечек распечатки.

Как мне помнится, я мало бывал и гостил у бабушки с дедушкой, мне кажется, они не особенно жаловали внучат. Но вспоминаю, как еще в их старом доме, который сгорел в 1930 году, собиралось очень много гостей, когда приезжала в отпуск их дочь Катя с мужем Василием, который служил на границе, на Дальнем Востоке, был офицером. Они привозили много гостинцев и подарков. Вспоминаю, как предметом разговора в компании был я и одна девочка и нас называли «жених и невеста».

В Каблукове жила и тётя Наташа — Михеева Наталья Михеевна — сестра моего дедушки по отцу. Это была замечательная женщина, ангел-хранитель нашей семьи. Когда-то общими усилиями родственников в деревне для нее был построен хороший дом из добротных смолистых бревен. Он стоит и сейчас после капитального ремонта. Умерла она в возрасте восьмидесяти шести лет. Насколько я знаю, она не выходила замуж, ни с кем никогда не связывала свою

жизнь, у нее не было детей. Подробности её жизни от нас скрыты временем. Пока тетя Наташа была молода и были силы, она занималась огородом, сажала картофель и другие овощи, держала разную скотину — кур, уток, гусей, козу. Этим и кормилась. В Каблукове тетя Наташа вела активный образ жизни, участвовала в самодеятельности, пела в хоре, в том числе церковном. Но самой большой ее страстью было чтение, бесконечное чаепитие и курение. Мне всегда казалось, что вот эти ее занятия заменяют ей даже пищу. В деревне были книголюбы, среди которых ходили по кругу лучшие книги того времени — классика нашей страны и известных зарубежных писателей. Все терпеливо ждали своей очереди — врачи, учителя, другая сельская интеллигенция. По прочтении книг, во время обмена, собирались, обсуждали, делились впечатлениями.

Сколько хорошего, доброго сделала для нас тетя Наташа! После большого пожара в Каблукове, я помню, как отец погрузил на подводу спасенный скарб и нас, ребятишек, и мы поехали на другой конец села, к тете Наташе, — ее дом уцелел от пожара. Мы долго жили у нее, пока не появился жилой уголок в нашем новом строящемся доме. Во время войны, когда родители отца отказались принять и кормить мою мать и сестер, эвакуированных из города, их приняла тетя Наташа, и они жили у нее, пока не устроили свою жизнь. А когда в 1954 году я окончил Высшую школу Бронетанковых войск в Казани и получил путевку в санаторий «Лепель» БВО для отдыха и лечения с женой и нам негде было оставить детей, мы оставили младшего сына Сергея у Галиных родителей в Калининне, а старшего, Александра, — в Каблукове у тети Наташи. Она безропотно помогла нам и на этот раз. Вернувшись, мы обнаружили, что наш сын, которому тогда было шесть лет, умеет хорошо читать. Его научила этому тетя Наташа.

Мои родители и наша жизнь

Мой отец Иван, когда ему исполнилось 16 лет, учился в Петрограде в техническом училище. Потом началась Первая мировая война и он с двумя друзьями убежал на фронт. Оставил письмо с сообщением о том, что не вернется, пока не заработает «Георгия». Подали в розыск, не нашли. Потом вернулся сам, с «Георгием».

В 1919 году, когда он женился, у него ничего не было, только френч, сшитый из шинели. Был один сундучок с барахлом — старые рубахи и проч. Его отец Арсений дал на свадьбу Ивану старый костюм, а потом с бабушкой Прасковьей пришли, забрали костюм обратно.

В дом жены Анны он пришёл с удовольствием: здесь жили богаче, резали скот на мясо. Вскоре отец стал председателем сельсовета. Секретарем у Ивана был честный комсомолец Степка Зарецкий. Потом Иван был в ревизионной комиссии в магазине. Затем перешел работать в город в райисполком (РИК).

В конце двадцатых годов отец занялся сельским хозяйством. Мы жили в Каблукове в своем доме, который строил отец. Дом был большой, обитый тесом, окрашенный снаружи. Отец был мастером на все руки, в доме было все обустроено, держали скотину, пчел. Жили хорошо.

В 1930 году в Каблукове случился пожар. В воскресенье, да еще на какой-то праздник. На краю села к Шаталиным приехали гости, они праздновали, пили вино, закусывали. Закуска кончилась, и двое мужиков пошли на сеновал, где неслись куры, за яйцами. Стали там зажигать спички, светить себе. Подожгли сено, и пошел бушевать огонь. На улице был сильный ветер с направлением вдоль села, поэтому очень быстро огонь пошел свирепствовать вдоль прямой улицы, которая называлась «Торжок». Сгорело около 70 домов, в том числе наш дом и дом дедушки Арсения. Сгорел поповский дом и церковь. Огонь остановился за три дома до тети Наташи, ее дом уцелел.

Наш дом был обсажен большими деревьями и долго не загорался. Огонь уже перекинулся через наш дом, и все горело дальше, а наш дом все стоял. Некоторые уже считали, что он вообще уцелеет: мы — с надеждой, другие — с завистью. Но вот он наконец так раскалился, что наружная окраска буквально взорвалась и дом сгорел моментально. Мне было девять лет. Я помню, как люди, обезумевшие от неожиданно нагрянувшей на них беды, метались по пожарищу, пытаясь хоть что-то спасти из имущества. Но немногим это удалось, огонь учинил свою расправу очень быстро. Мой отец был настолько ошеломлен, что, когда в последний раз забежал в дом, вместо того чтобы взять и спасти что-то из вещей, взял на верстаке в сенях кнут и с ним выбежал на улицу. В тот же миг дом воспламенился. Особенно ужасное положение сложилось именно у нашего дома. В огороде у нас стояли более десятка ульев с пчелами. Пчелы от пожара и от суматохи вокруг страшно взбесились. Покинув свои жилища, они огромным роем кружились над огородом и вокруг нашего дома, пока он не загорелся. Круг их атак постепенно расширялся, и они стали беспощадно жалить людей. Несчастные беспомощно отбивались. Одни, не в силах выдержать ужаления, падали на траву и катались по ней, а некоторые бежали к канаве и прямо в одежде бросались в воду, надеясь найти там спасение от атакующих пчел.

Выше я уже упоминал о том, что после пожара нас приютила тётя Наташа и мы некоторое время жили у нее, пока не был построен наш новый дом.

Жизнь продолжалась...

По моим воспоминаниям, семейным преданиям и нашим архивным фотографиям можно твердо сказать, что моя мать была красивой женщиной и ее жизнь с моим отцом была вначале счастливой.

Вспоминая свою юность, мать однажды рассказала про свою первую любовь. Ей было 15 лет. Шел 1914 год. Вокруг Каблукова летом сильно горели леса и торф. На тушение пожара из города пригнали полк солдат.

Около Кузнецовых были амбары, и там собирались молодежь и солдаты. Один из солдат — Гриша Меньшов — влюбился в Нюрочку, и она его полюбила. У нее было красивое платье с оторочками на груди и внизу. Гриша говорил: «Нюрочка, ты мне напиши письмо. Только ни к кому не обращайся, ни к людям, ни к книгам, а сама — что у тебя на душе, то и напиши». Потом началась империалистическая война. Полк собрали по тревоге. Гриша бегал по селу, искал Нюрочку, хотел что-то сказать на прощание. Нюру не нашел, и солдат угнали. Больше от Гриши не было слухов. Видно, погиб на войне ...

Мать со слезами рассказывала мне: «Как дорога первая любовь, вот сейчас мне 80 лет, а если бы мне сказали, что где-то есть Гриша, — я побежала бы к нему без оглядки». Я согласился, что это действительно дорогие воспоминания — от них очищаешься, делаешься благороднее.

Я тоже люблю вспоминать прошлое, родных.

Они жили в деревне, работали в колхозе, содержали свое хозяйство, имели хороший дом, в котором был достаток. Отец был предан семье, любил своих детей. После рождения первых детей, позже, у матери возникли проблемы с женским здоровьем. Мать отправили в город, в больницу, где она некоторое время лечилась. С этого времени и начался разлад в семье, отец стал часто выпивать, скандалить, сделался нервным и раздражительным.

Я не берусь обвинять отца или оправдывать — на это у меня нет права. Так жили тогда русские люди в деревне: много пили спиртного, повсюду гнали самогонку, а свой протест против неустроенности жизни мужики выражали тем, что били своих жен, детей, скандалили дома.

Я еще раз скажу, что наш отец любил своих детей и старался вывести их в люди. Мои родители женились по любви. У них родилось пятеро детей. Но судьба распорядилась по-своему: двое детей умерли, а потом — каждый ли мужик сможет нормально жить с нездоровой женой. Не мне об этом судить...

Кроме того, как мне представляется теперь, мать была и недостаточно хорошей хозяйкой в доме. У нас в доме держали няньку, она жила у нас некоторое время и помогала по хозяйству.

В 1932 году отец перешел работать в Оршинскую неполную среднюю школу учителем по труду, черчению и военному делу. (Деревня Орша в четырех километрах от Каблукова при впадении реки Орша в Волгу.) С этого времени он как-то стал отрываться от семьи, от дома. Школа эта была расположена в бывшем женском монастыре и занимала два двухэтажных кирпичных здания. Когда-то монастырь был обнесен стеной кирпичной кладки, которая и в описываемое время сохранилась, но с проломами во многих местах.

Вдоль северной стороны этой территории располагались деревянные постройки барачного типа, в которых жили учителя. В одном из помещений была выделена комната и отцу. Он все чаще стал не возвращаться после работы домой, под разными предлогами оставался на Орше.

Рядом находился отдельный дом, где жил директор школы Русаков Владимир Павлович. Я в это время учился в начальной школе в Каблукове в 3-м классе. Моей учительницей была замечательная женщина — Надежда Павловна. Высокая, прямая, красивая женщина лет сорока пяти. Она была одинока, жила одна, не придавая большого значения своей одежде. Она глубоко знала свой предмет, но была какой-то беззащитной перед выходками учеников-хулиганов во время урока. К ученикам такого типа относился и я. Из-за семейного положения, о чем я писал выше, я стал неподконтрольным и плохо управляемым. Как жаль, что мы слишком поздно раскаиваемся во многих своих поступках. Моими друзьями в это время были Володя Бушин, Павлик Вершинин. Надежда Павловна дружила с тетей Наташей и часто приходила к ней побеседовать, почивничать.

Каким-то образом мать узнала, что наш отец загулял с учительницей — Татьяной Ивановной Тувалевой, которая и работала вместе с ним, и жила через стенку рядом с комнатой отца, в одном здании, только входы в квартиры были разные. Татьяна была полная, круглолицая женщина, невысокого роста, недурная собой. Носила на плечах пуховый платок. В разговоре слегка шепелявила. Она была примерно одного возраста с отцом. Скорее всего, до этого замужем она не была.

Эта женщина вызвала в нашем отце настоящую страсть. В нашей семье начались раздоры, он фактически бросил нас. Мой возраст в это время позволял мне понять все, что происходит. Измену отца по отношению к матери я воспринял и как предательство

по отношению к нам, его детям. Резко ухудшилось мое поведение в школе. Я и до этого не был ангелом, учеба казалась мне не слишком трудным делом, я все схватывал быстро и успевал баловаться и мешать другим в классе. Теперь я стал настоящим демоном. Мне казалось, что все виноваты в том, что происходит у нас в семье. Я терроризировал весь класс, буквально издевался над учительницей. Моему отцу, когда он появился в Каблукове, было сказано, чтобы он забирал меня куда угодно, лишь бы избавить класс и школу от хулигана. Еле-еле дотянули меня до окончания 3-го класса, и на следующий год отец перевел меня в Оршинскую неполную среднюю школу, где работал сам, сразу в 5-й класс. Таким образом я не учился в 4-м классе и хорошо справился с таким скачком в моем образовании. Теперь мне надо было ходить в школу на Оршу, четыре километра в один конец, восемь километров ежедневно.

В оршинской школе учились еще несколько парней и девочек из нашего села, поэтому мы ежедневно собирались вместе и шли туда и обратно шумной ватагой. По дороге озоровали между собой, особенно доставалось девчонкам. Так как мы почти ежедневно задерживались в лесу, жгли костры, пуская в огонь ветки деревьев и жерди сделанной вдоль леса изгороди, часто на занятия мы приходили с опозданием. За это и в школе и дома нередко получали нагоняй.

Из Каблукова на Оршу вела узкая проселочная дорога. Сначала от нашего села дорога шла сквозь кустарник. Примерно в середине пути был очень заболоченный участок, назывался Исаковка. Осенью и весной здесь почти невозможно было пройти — канавка, протекающая поперек, бывала заполнена через край, а мостик на дороге оказывался под водой. Мы прыгали с кочки на кочку вблизи моста или шли далеко в обход, приходили с мокрыми ногами или вообще мокрые по пояс.

После Исаковки был высокий сухой участок смешанного леса, большей частью елового и соснового. Недалеко сойдя с дороги, здесь можно было собирать по пути бруснику и грибы, что мы иногда и делали. Лес обрывался сразу в полукилometре от Орши, местность дальше шла с понижением к реке. А за рекой — школа. Реку можно было переходить по запруде у мельницы или по мосту. Иногда мост в половодье сносило, тогда местные жители организовывали переправу на пароме или на лодках, это было для нас еще интересней, и мы радовались. Хоть и не легок был этот ежедневный переход, но мы были свободны и счастливы. Такие воспоминания детства сохраняются на всю жизнь...

...Несмотря ни на что, я рос, был уже подростком, и жизнь невольно вовлекала меня в события, кото-

рые происходили в деревне. Так как я учился теперь на Орше, в деревне я появлялся только вечером и в выходные дни. Меня до сих пор трогают теплые воспоминания о деревенской жизни, о моих друзьях-товарищах, о наших планах и приключениях. Близость деревенских людей независима от родства. Деревенские вечера... Первые признаки пробуждающейся любви...

Далекое воспоминание о том, как мы с моим самым близким другом Павликом Вершининым ходили на «Большое озеро» (Страдовня) ловить окуней на удочку. Небольшой улов здесь всегда был гарантирован, а в хорошую погоду, да если повезет, можно отсюда унести домой сотни полторы окуней, темноголовых, под цвет воды. Очень ярко помню, как после ночлега на озере, с уловом, солнечным жарким днем мы возвращались с рыбалки домой и нас буквально заедали слепни, оводы и другие кровососущие насекомые, от которых мы с большим трудом отбивались. Для нас это было настоящее испытание.

Большие планы строили мы с моими друзьями Блиновыми — Кулюней (Николай) и Борисом. Старшим по возрасту среди нас был Кулюня. От него исходили все инициативы. Мы решили, что если мы сможем построить лодку, то сможем на ней из нашей канавы проплыть до озер, а оттуда по другим канavam (о которых мы не имели никакого представления) выплыть на реки Оршу и Волгу.

Наше путешествие рисовалось чуть ли не кругосветным. Мы украли доски для лодки у Арсения Гаражкина и Арсения Марфина и в сарае Блиновых приступили к строительству лодки. Были приняты меры и к нашему вооружению. Отец мой преподавал на Орше труд, черчение и военное дело. Для военного дела ему было выдано учебное оружие. Я знал, что там есть винтовка с просверленным стволом. Так как в это время я питал к отцу — разрушителю нашей семьи — явную неприязнь и готов был совершать по отношению к нему любую пакость, то я взял на себя заботу о том, чтобы украсть из его школьной кладовки учебную винтовку.

Все было сделано по плану. Но не успели мы построить лодку — обнаружилась пропажа досок у соседей, обнаружилась наша лодка, а потом как-то вышли и на след украденной винтовки. План похода с треском провалился, стоял вопрос о нашем исключении из школы, но потом наши родители вопрос о нашем наказании как-то утрясли. Зато после этого среди наших сверстников и некоторой части взрослых мы прослыли даже героями. Родители наши считались за украденные доски, каркас лодки долго еще стоял в сарае, потом ее разобрали на какие-то нужды.

Отец, чувствуя мое отчуждение, старался как-то приблизить меня к себе. Летом и в начале осени (1933 год) он несколько раз брал меня с собой на рыбалку и на охоту. Недалеко от деревни Орша река Орша изменила свое русло, образовались обособленные глубокие затоны, заросшие по краям осокой и кувшинками. Здесь мы ставили днем мережи и ловили огромных золотистых линей. Если ставили мережи на ночь, то караулили их, а утром доставали рыбу. Обычно в таких случаях на берегу разводили костер, около которого можно было согреться, подремать, скоротать время. Отец был неразговорчив. Иногда он ложился подремать у костра, а я поддерживал огонь. Я, как правило, не спал, любовался костром, всматривался в непроглядную темень вокруг, слушал звуки и шорохи ночи.

Однажды отец взял меня на охоту. Это было в начале зимы. Уже выпал и лежал тонким слоем снег. Охотились мы на полях и в кустарниках между деревнями Каблуково и Круптево. Искали зайцев. Отец тихо и настороженно шел с ружьем на изготовку, внимательно высматривая местность впереди. Еще более напряженно чувствовал себя я, стараясь бесшумно двигаться, не отставая, сзади отца. Сердце мое билось учащенно. Долго ничего не попадалось. Иногда мы останавливались, сходились, обмениваясь несколькими словами о нашей охоте, и шли дальше.

И вот впереди выскочил с лежки заяц. Отец выстрелил дуплетом. Заяц перевернулся через голову, но рванул дальше. Мы побежали на след, увидели пух, следы крови на снегу, но добыча ушла. Видимо, дробь лишь царапнула зайца снаружи. Побродив еще с полчаса по кустарникам, мы вернулись ни с чем.

* * *

...В школе на Орше был дружный коллектив ребят и девчонок. Я был младшим в классе по возрасту и по росту, но со мной дружили буквально все, не только каблуковские ребята и девчонки, но и оршинские, круптевские. Особенно покровительствовали мне Клавдия Михайлова и сестра и брат Федоровы из деревни Круптево.

Тем временем в семье нашей все больше нарастали разногласия, все чаще происходили скандалы, все тяжелее становилась моя жизнь и жизнь моих сестренок. Отец все реже навещался домой. Зимой 1934 года отец увольняется с работы на Орше и уезжает в Калинин.

Весной 1935 года я закончил 7-й класс Оршинской семилетки. К этому времени отец с матерью уже окончательно разошлись: отец с Татьяной жил в городе, а мы, дети, — с матерью в Каблукове в своем

доме. Мне надо было продолжать учебу, и я был настроен на это. Летом в деревню приехал отец и позвал меня с сестренками переехать в город, чтобы там продолжать учебу. Обещал снять дня нас квартиру. Мы согласились.

Но все оказалось не так просто. Дело в том, что в моем документе об окончании семилетки было записано — «дисциплина и общественная работа — недостаточно» (проще говоря — неуд!). Пришлось обойти несколько школ, и нигде не хотели меня принимать. Говорили: «У нас своих хулиганов хватает и еще один нам не нужен». Наконец, опять через ГорОНО, мы пришли в среднюю школу № 1 (теперь там Суворовское училище).

Примерно к этому времени относится моя первая безответная любовь.

В Каблукове недалеко от нашего дома жили Гуськовы, и у них была дочь Лида, моего возраста. Вспоминая ее теперь с позиции мужчины, скажу, что это было прелестное создание, очень красивая девочка — пухленькая, круглолицая, черноглазая и чернобровая. Широко открытые влажные глаза, прямые черные волосы, ровными прядями гладко зачесанные назад и подстриженные под кружок (под каре), придавали особую выразительность ее лицу. Нашему сближению, конечно, мешало то, что я учился на Орше, а она — в Каблукове. Я полюбил Лиду, но не знал, как сказать ей об этом. При редких встречах и коротких разговорах я всячески старался продемонстрировать ей мои положительные качества — выпрямлял свою худую, костлявую фигуру, одергивал одежду, приглаживал волосы. Мне казалось — Лида тоже симпатизирует мне. Да, я это видел. Но, к сожалению, я так и не сказал Лиде главные слова и нашей любви не суждено было продолжение.

Когда я учился в городе уже в 10-м классе, я вдруг узнал, что Лида покончила жизнь самоубийством. Она повесилась. Были разные версии этой трагедии, в том числе, что так она выразила свой протест грубому обращению к ней в семье. Я так и не узнал правды. Такая чудесная девочка должна была жить. Но ей выпала другая судьба.

Началась наша новая жизнь в городе. Вскоре сюда переехали и мои сестренки — Шура и Сима, и мы вчетвером — отец и его трое детей — вынуждены были ютиться в совсем маленькой комнатке. Я не помню и мне даже трудно представить, как мы там размещались. Мать пока оставалась в своем доме в деревне. По выходным дням я ездил к ней на велосипеде, привозил от нее кое-какие продукты.

Семья наша окончательно распалась, и я за всех переживал. Жалко было маму, еще больше жалко было моих сестренок Симу и Шуру. Жили мы кое-как, неухоженные и очень часто голодные. Как жил

отец, я вообще не имел представления. В это время он работал в Областном отделе народного образования (ОблОНО). Его работа была связана с инспектированием детских домов и борьбой с беспризорностью. Он часто уезжал в командировки, возможно, какое-то время жил у Татьяны, к нам наведывался редко. Мы не могли знать, где находится наш отец в тот или иной день. Уезжая, оставлял нам по пять рублей на день.

В том же году ему удалось устроить поездку моих сестер в санаторий Симеиз в Крыму, куда отец возил на отдых и лечение детей из детских домов. Сначала была в Крыму Шура, позже с другой группой — Сима. Я был очень рад этим событиям.

Отцу, как я теперь понимаю, тоже было нелегко. Он сам видел, как мы живем без родителей, голодные, без запаса каких-либо продуктов. Самой доступной пищей для нас тогда были макароны, кабачковая икра и соевые конфеты.

В школе мои успехи по разным предметам не были одинаковыми. Я выросел, и теперь не было особых проблем с дисциплиной. По предметам мои оценки были средними, за исключением математики, которая давалась мне с большим трудом.

Глубокий след в моем сердце оставил выдающийся учитель русского языка и литературы Арсений Дмитриевич Баранцев. Он был заслуженным учителем Республики и это звание нес с честью. Он любил свою профессию, свой предмет и мастерски делал из нас романтиков и лириков. На урок он приходил со стареньким коричневым портфелем, который довольно туго был заполнен его учительскими материалами. А если это были уроки литературы, то, помимо материалов в портфеле, все карманы его костюма были заполнены разными вспомогательными материалами — вырезками из газет и журналов, выдержками из каких-то редких источников, цитатами — все это он таинственно доставал из карманов по ходу урока, удивляя нас неожиданной информацией.

В классе тишина. Мы сидим, стараясь не пропустить ни одного его слова, слушаем и смотрим на него с любовью и широко открытыми глазами. Он создал, в дополнение к основным занятиям, литературный кружок, учил нас писать и понимать стихи, и мы ходили к нему с радостью, а потом сами стали сочинять стихи.

Я помню этого замечательного учителя — невысокого роста, худощавый, узкое продолговатое лицо, седые реденеющие волосы, зачесанные на пробор, небольшие седые усики, немного сутуловатый от долгого сидения над науками — добрый, доступный, общительный — это Арсений Дмитриевич Баранцев.

А еще везло мне на друзей. Очень близко мы дружили с Мишей Корсановым. Мы были однокласс-

никами и вместе посещали литературный кружок у Арсения Дмитриевича, вместе сочиняли стихи.

Моими хорошими друзьями в школе были Борис Волков (его родная сестра Галя стала потом моей любимой и верной женой на всю жизнь), Игорь Стопников, Коля Капцов. Несмотря на юность и буйство нравов, мои друзья были людьми целеустремленными, и я уверен, что все они стали порядочными людьми.

Теперь уже нет в живых моих славных любимых учителей. Теперь я уже не знаю, как сложилась дальнейшая судьба моих дорогих друзей, за исключением Бориса Волкова, который был участником войны на Западе и на Востоке, был награжден тремя орденами и многими медалями, прожил сложную человеческую жизнь.

В город перебралась и мама. Она устроилась работать санитаркой в инфекционном отделении городской больницы № 1. Нам стало полегче, потому что мать приносила кое-какие продукты и немножко подбрасывала денег.

В девятом классе я стал обращать внимание на девочек. Мне очень нравилась Женя Иванова. Невысокого роста, худенькая, длинные черные волосы она заплетала в косу; черные глаза несколько навывкате, смуглолица. Свою любовь к Жене я долго носил в себе, но никак не решался сказать ей открыто. Оказывал Жене внимание, старался понравиться. Увы, взаимной любви не состоялось.

В середине 60-х годов, когда я закончил службу в армии и вернулся в Калинин, встретил здесь моего школьного товарища, одноклассника Алексея Принципала. Он рассказал, что выпускники 1938 года средней школы № 1 несколько раз собирались после войны. Ребят было мало, уцелели немногие — война; больше было девушек. Была Женя Иванова. Она будто бы рассказывала о себе, что она после средней школы окончила авиационный институт, живет и работает в Москве, замуж не выходила. Я и сейчас с грустью и теплотой вспоминаю Женю, рассматривая фотографии школьных лет. Я любил тебя, Женя, я помню тебя!

Тем временем приближалось окончание 10-го класса, надо было усердней заниматься, готовиться к экзаменам. Собирались мои мальчишки-друзья, по-взрослому планировали свою жизнь. Мне особенно надо было думать о своем будущем, семья мне ничего хорошего не сулила. Я твердо решил прожить другую жизнь, отличную от жизни моих родителей.

Я стал военным

И вот я заканчиваю 10-й класс. На выпускном вечере я был в явно большом для меня отцовском костю-

ме с подогнутыми вовнутрь рукавами. Все пришли нарядные, наши девочки были неузнаваемы. Мальчишки тайком в уборной пили вино, курили. Для храбрости. После официальной части пробовали танцевать. Потом долго бродили по улицам города, вдоль Волги.

На другой день началась новая жизнь. Я разглядываю первый документ своей жизни — аттестат об окончании средней школы. Оценки неплохие, хотя есть несколько троек.

С чего начинать? Куда идти? Надо было искать такую дорогу, которая привела бы меня к быстрому результату, чтобы прокормить себя и как-то помочь сестренкам и матери. Один товарищ уговорил меня вместе с ним поступать в Тамбовское артиллерийское училище. Пошли добровольцами в райвоенкомат, там нам рассказали про порядок приема в училище, показали список других училищ, куда можно было поступать.

И здесь я, неожиданно для себя, решил, что должен стать танкистом, и начал оформлять документы в Ленинградское танкотехническое училище.

Заманчиво было учиться в Ленинграде. Правда, на мандатной комиссии обратили внимание на мой маленький рост и худобу. Выручил один из членов комиссии, который сказал: «Ничего, будет есть много перловки — окрепнет!» Все посмеялись. Прошло. И так, я получил на руки пакет с документами в райвоенкомате и поехал в Ленинград на вступительные экзамены. Ленинград меня поразил. Геометрически строго застроенные улицы. Грандиозные красивые здания в городе и в училище. Училище расположено на берегу реки Фонтанки, напротив цирка (улица Толмачева, № 1). Недалеко — инженерное училище с поражающими взгляд зданиями старинной, петровской, застройки. Оживленное движение, огромные массы людей, на берегу Фонтанки — марширующие курсанты. Все, все меня поражало.

Занятия начались с 1 октября 1938 года. Взались за нас крепко. Все было для меня настолько ново и необычно, что я первое время путался в званиях начальников, не мог отличить капитана от майора. Военная форма мне шла, но я был худым и шуплым и больше походил на наряженного в форму подростка, чем на курсанта.

Особенно сильно муштровали нас первое время по строевой подготовке, учили подчиняться воле начальников, сначала без оружия. Целыми часами гоняли нас до пота на площади около цирка, напротив училища, вдоль Фонтанки. Строевые приемы надо было выполнять, не жалея себя, оттачивать их до автоматизма. Сначала отрабатывался строевой шаг и сочетание шага с движением рук. По команде сержанта «Шагом марш!» движения выполнялись в два

приема: вслед за первой командой сержант кричал: «Раз!» и надо было левую ногу, не сгибая в колене, выбросить вперед высоко над асфальтом, а правую руку — вперед к пряжке поясного ремня, согнув в локте; прямая левая рука при этом отбрасывалась назад, пальцы рук — полусогнуты. В таком положении надо было замереть и держаться неподвижно до тех пор, пока не последует команда «Два!», по которой левую ногу надо было, опять не сгибая, резко опустить на асфальт, переместить свое тело с опорой на левую ногу и подготовиться к аналогичным движениям правой ногой и руками по счету «Три» и «Четыре». Ох и трудная для меня была эта муштра — невозможно было сразу замирать и удерживаться, стоя на одной правой ноге по команде «Раз» и соответственно — на одной левой, да еще высоко удерживать поднятую прямую ногу. Совершенно не получалось у меня первое время сочетание движения ног и рук. Паузы между командами «Раз!» и «Два!» все удлинялись, сержант без конца делал мне замечания. «Михеев, держать, держать!» — кричал он. Иногда он выводил меня из строя и заставлял отрабатывать приемы одному, а потом прикреплял ко мне хорошо успевающего в этой «науке» товарища. После отработки приемов одиночно стали отрабатывать их в шеренгах, а затем и в общем строю. Повторилось это все потом с оружием. По мере совершенствования нашей выучки мы предъявлялись старшим начальникам — командирам взвода, роты, курса.

Следующий этап нашей выучки по курсу молодого бойца — умение приветствовать друг друга, причем младший по званию должен первым приветствовать старшего. Когда кто-то из нас спросил сержанта, а как быть, если встречаются военнослужащие, равные по званию, сержант разъяснил: «Кажется, в уставе французской армии есть разъяснение на этот случай — при встрече военнослужащих, равных по званию, первым приветствует тот, кто умнее; у нас такого разъяснения нет».

Грамотный был сержант...

Потом нам было рассказано и показано, как надо приветствовать — правую руку с вытянутыми прямыми пальцами подносить к козырьку фуражки, поворачивая голову в сторону приветствуемого, как сочетать движения руки с шагом, когда начинать и когда заканчивать приветствие. Долго и усердно отрабатывали мы и этот элемент строевой выучки.

Строевая подготовка на первых порах вызывала во мне трудно скрываемый внутренний протест, нелегко было заставлять себя безоговорочно подчиняться требованиям и командам сержантов и офицеров, которые, казалось, были такими же людьми, как и я. И только позже, когда я по-настоящему стал кадровым военным, я понял великое значение стро-